

Танкер «Дербент»: Вызов -2

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 24 января, 2025

Танкер "Дербент": Вызов -2 2.

Гусейн проснулся в темноте. Переборки каюты вибрировали от гула машин, ровного и монотонного, как гул крови в ушах. Он приподнялся на койке и спрыгнул вниз. Ему показалось, что он опоздал и судно стоит в порту. Но глазок иллюминатора был темен и пуст, сквозь него доносился плеск волн и мягкий свист ветра. Гусейн выскочил в коридор и едва не ушиб дверь проходившего мимо человека.

– Идите, – сказал Басов озабоченно, – я искал вас. Сейчас миновали остров Жилой. Пора начинать.

Они прошли мимо горячей стены кухни, вдоль ряда кают и достигли входа в машинное отделение. Здесь Басов остановился.

– Там собралась почти вся команда, – сказал он, усмехаясь, – это хорошее начало, но для регулировки гребных дизелей этого вовсе не нужно.

– Как не нужно? – удивился Гусейн. – Да ведь вы сами...

– Я сам настаивал на аврале, это верно. Лучше, если первый успех будет достигнут общими усилиями.

Тогда каждый сможет гордиться и не будет посторонних людей у машин.

– Верно, – согласился Гусейн. Ему было приятно, что старший механик советуется с ним тайком от других, как бы выделяя его из остального экипажа. – Это вы правильно придумали. Только работы на всех не хватит, пожалуй. Не удалить ли лишних?

– Удалить недолго, – сказал Басов, – но, по-моему, зрителей у нас быть не должно.

В машинном отделении люди толпились на решетках, разговаривали друг с другом, стараясь перекричать грохот. При виде этого непривычного сборища Гусейн смутился. Всех этих людей он знал и половину из них считал никчемными. Они могли только выполнять приказания и всегда старались поскорее отстоять вахту. За ними нужно было смотреть непрерывно. С этими-то

людьми Басов хочет наладить двигатели!

Спускаясь по трапу вслед за механиком, Гусейн чувствовал обращенные на них взгляды, и ему было неловко, словно он выдавал себя за кого-то другого.

– Вы будете менять поршневые кольца, – сказал ему Басов, – возьмите человек пять слесарей и мотористов. Когда будете поднимать поршни – смотрите в оба.

Смущение Гусейна росло: у старшего механика два помощника, но он почему-то предпочитает доверять ему. И как это Гусейн будет «глядеть в оба», когда он сам только моторист и никогда не руководил людьми?

Басов разложил на ладони листочки индикаторных диаграмм. Команда сгрудилась вокруг него, и Гусейн постоял некоторое время, не зная, что делать. За грохотом машин голоса механика не было слышно. Понемногу им овладели привычные унылые мысли, которые всегда приходили в момент бездействия: старший механик повысит обороты двигателей, отрапортует кому следует, получит благодарность, но какое до всего этого дело ему – Гусейну? Просто он разыграл дурака вчера на мостике.

Вдруг он увидел, что Басов машет ему рукой, почувствовал на себе опять всеобщее внимание, покраснел и свирепо сдвинул брови. Невидящими глазами вглядывался он в листы диаграмм, которые протянул ему Басов.

– Вот смотрите сюда, – кричал Басов, тыкая пальцем в листок, – это вот первый такт поршня. Здесь неполное сжатие дает искаженную кривую. А вот правильная диаграмма пятого цилиндра. Видите разницу? Так где же менять нам поршневые кольца? – Он сунул Гусейну диаграммы и положил ему руку на плечо.

Механик Задоров, помощник Басова, выглянул сбоку и нетерпеливо подсказал:

– В третьем и четвертом, надо полагать...

– Без вас знаю! – ревниво огрызнулся Гусейн. – В третьем и четвертом надо менять, Александр Иванович...

На верхнем ярусе надевали кольца на запасный поршень. Полутораметровое цилиндрическое тело поршня лежало на решетке, загораживая проход в мастерскую. Козов, Газарьян и два слесаря силились приподнять его, чтобы надеть кольца. Они багровели от

натуги и кричали друг другу так, словно готовились сцепиться. – Физкультурой занялись ребята, а подъемный кран отдыхает, – пошутил Басов. – Подите к ним, Мустафа.

Гусейн побежал наверх. При его приближении люди бросили поршень и разогнули спины.

– Кран не работает, – спокойно пояснил слесарь Якубов, – должно быть, цепи соскочили. Ты что глядишь? Нам сказано, чтобы управиться до стоянки, мы и стараемся, уж как-нибудь...

Он благодушно улыбнулся, вытирая платком доброе широкое лицо. Гусейну всегда нравился этот бесхитростный парень, но сейчас он почему-то озлился.

– Тяп да ляп да как-нибудь! – прокричал он сердито и в сердцах ухватился за цепные тали. Они не поддавались.

– Надо лезть на верхние балки, поправлять, – заметил Якубов, ничуть не задетый окриком Гусейна, – да я боюсь сорваться.

Остальные не трогались с места, выжидательно поглядывая на Гусейна. Ему тоже очень не хотелось лезть исправлять кран. Казалось, скорее можно приподнять поршень вручную. Но он заметил, что Басов поглядывает на него снизу, и заторопился.

– Цепляйте так, ребята, – сказал он деловито, – я сейчас...

Чтобы забраться на балки под потолком машинного отделения, нужно было пролезть снаружи через застекленную крышу. Гусейн выбрался наружу и взбежал на корму. В темноте метался холодный береговой ветер. Огни порта обступили судно, отражаясь в воде золотыми гирляндами. Гусейн скользнул в открытый люк, повиснув на руках и нащупывая ногами балку. Его обдало чадным машинным теплом. Внизу стояли люди и наблюдали за ним, задрвав головы. Гусейн пополз вдоль балки на четвереньках, посвистывая и сжимая пальцами железо. Добравшись до каретки крана, он надел цепь на шестерню и крикнул вниз гулко, как в бочку:

– Подтягивай помалу. Застыли?.. Вира!..

Внизу стоял Басов, рассматривая диаграммы, и Гусейну было приятно, что Басов не наблюдает за ним, как бы вполне доверив ему всю работу с поршнями. Он спустился вниз прямо по цепи и, очутившись на решетке, принялся помогать слесарям.

Из-за распределительных щитов вышли электрики-комсомольцы. Они уже закончили текущий ремонт, – электростанция на «Дербенте»

содержалась ими в образцовом порядке, – но не уходили.

– Что будем делать? – спросил Котельников, обкусывая ногти. – Здесь самый решающий участок. Признаться, я в дизелях ни уха ни рыла.

– Надо возглавить, – забеспокоился Володя, – мы должны показать пример.

Котельников поморщился.

– Тебе бы все возглавлять, – сказал он с досадой, – а ты помоги людям попросту, вот хоть инструмент подай. Этим ты пример покажешь тем, кто болтает.

– Хиба ж вин знае, що надо робить? – смерил Проценко глазами растерявшегося Володю. – Тю, дурной!

Котельников первый спустился вниз и подошел к Басову,

– Александр Иванович, мы свое кончили, – сказал он, – тебе помочь пришли. Давай там что ни на есть, хоть таскать что-нибудь, все равно...

Вокруг приподнятого поршня возились слесари, прилаживая кольца. Гусейну казалось, что работа протекает вяло, как в замедленной киносъемке. Кольца не входили в пазы, приходилось расчищать пазы зубилом. Он слышал, как затихло могучее чавканье двигателей и взвыла наверху сирена. Надо было подготовить три поршня, а у него еще не кончен первый. Он отнял у Якубова инструмент и принялся за дело. Из-под зубила полетели осколки шлака.

– Легче, Мустафа, – посоветовал Якубов кротко, – зачистишь – кольца болтаться будут.

Из мастерской выкатили второй поршень и, прицепив гак, подняли на воздух. Отрываясь от работы, Гусейн наблюдал за тем, что делалось у двигателей. На цилиндры полезли люди, вооруженные гаечными ключами. Осторожно хватаясь за горячие трубы, они отвинчивали крышки цилиндров. Среди них Гусейн увидел Котельникова, но не успел удивиться. Откуда-то появился Володя.

– Не окончили еще? – закричал он плачущим голосом. – А у нас только два часа осталось. Эх, люди!

– Сделай скорее, если можешь, – огрызнулся Гусейн раздраженно, – пожалуйста, я посмотрю!

Под его зубилом визжало железо, и потные плечи его покрылись черной пудрой шлака. Слесарь Якубов, шаривший в кармане папиросы, махнул рукой и взялся за последнее кольцо.

– В море покурим, ничего, – сказал он весело, подмигнув Володе, – подай мне кувалду, милый.

Когда покончили с поршнями, Гусейн бросил зубило и подошел к вентиляционной трубе. Холодные струи воздуха защекотали его потную спину, сладко заняли руки. Теперь, когда он окончил работу, про него как будто забыли. Мотористы снимали крышки цилиндров, осматривали форсунки. Все торопились не меньше самого Гусейна, даже те, кого он считал лентяями и лишними на судне.

«Вот я надрывался, работал, а разве это отметил кто-нибудь?» – подумал он было, но мысль эта уже не уколола его, как прежде, а показалась надоедливой и постылой, как зажившая болячка, которую хочется скovyрнуть ногтем. Он встряхнулся и побежал к двигателям.

Под потолком медленно катилась каретка крана. Готовый поршень плыл по воздуху, позванивая натянутой цепью. Внизу, словно погонщики за вьючным животным, двигались люди, вытягивая крановые тали.

Поршень остановился над отверстием, начал опускаться, и конец его скоро вошел в горло цилиндра. Гусейн сжимал руками кольца, проходившие в отверстие. Когда опустилось последнее кольцо, он выпрямился и вытер руки.

– Крышку! – скомандовал он мотористам. – Третий цилиндр кончаем, Александр Иванович.

Басов посмотрел на его оживленное лицо и улыбнулся. Он с волнением приглядывался к тому, что происходило вокруг него, и особенно к тому новому выражению, которое было на лицах людей. С них как бы слетело ленивое оцепенение и сменилось выражением нетерпения и горячего любопытства, какое бывает у людей, впервые вложивших душу в серьезное дело. Но он опасался. Это могло быть только лишь оживлением новизны, – яркий, но непрочный огонь, готовый погаснуть при первой неудаче.

Басову не хотелось думать об этом, не хотелось верить, что с лица Гусейна может исчезнуть это чудесное оживление. Когда

заревела сирена, возвещавшая конец погрузки, Басов спокойно подошел к пусковому пульту.

Команда столпилась перед измерительными приборами. Гусейн стоял у воздушного крана, положив руку на штурвал. Внезапно его уверенность исчезла. Может быть, тахометр покажет по-прежнему сто оборотов? Команда осталась без берега, и многие работали бессменно уже вторую вахту. Гусейн первый закричал о соревновании, взбудоражил ребят. Теперь его поднимут на смех... Из штурманской рубки прозвенел сигнал. Басов взялся за маховики и посмотрел на указатель. Гусейн вздохнул и закрыл глаза.

– Открывайте, Мустафа, – раздался голос Басова.

Услышав грузное чавканье первых тактов, Гусейн приободрился и подошел к щиту. Сигнальная стрелка показала «малый задний ход», потом «малый передний». Судно разворачивалось, отходя от пристани.

Гусейн не выдержал и отвернулся от циферблатов. «Ну, не выйдет, так что же. Посмеюсь и я со всеми», – мелькнула в голове трусливая мысль. Но в следующий момент он забыл обо всем, кроме нарастающего стука мотора.

Стрелка тахометра быстро ползла по шкале. Она, не останавливаясь, перевалила через цифру «сто» и двигалась дальше.

– Сто пять... сто семь... сто десять...

Вокруг взволнованно загудели, задние поднимались на носках, чтобы лучше видеть. Двигатели гремели на полном ходу.

– Сто двенадцать! – торжествующе крикнул Володя на ухо Гусейну. – Эх, гляди, Мустафа!

– Н-да, – значительно протянул Козов, морща нос лукавой улыбкой, – что ж, потягаемся теперь с «Агамали», Александр Иванович!

Гусейн выбрался на палубу и присел отдохнуть. Огни порта отступали во тьму. Ветер бросал вниз клочья дыма, и они трепались по палубе, цепляясь за выступы люков, как куски серой ткани.

Гусейн видел, как вышел из машинного отделения старший механик и остановился в полоске света, падавшего из двери.

«Подойдет или нет?» – подумал Гусейн, отворачиваясь.

Ему казалось, что если Басов подойдет и заговорит с ним теперь, то произойдет что-то очень важное, от чего изменится вся его жизнь на судне. Позади раздали шаги, и он вздрогнул, почувствовав руку Басова на своем плече.

– Сто двенадцать оборотов дали сегодня, – сказал

Басов озабоченным, будничным тоном, – ребята бушуют в столовке, ничего подобного они не ожидали. Но это ведь только начало. Надо поддерживать двигатели в таком состоянии. Это гораздо труднее, и здесь мы можем сорваться. Я хочу сказать, что необходимо постоянное внимание и еще не одну стоянку придется провести в машинном.

– Форсунки часто засоряются, – отозвался Гусейн тем же сухим, невыразительным тоном. – Вот сейчас темно, не видно, какой дым. Давеча черный был – сажи много, а теперь как будто чистый выхлоп пошел.

– Дым – ерунда, – сказал Басов задумчиво, – дым – это дым! – Он засмеялся. – Тебе сейчас на вахту, Мустафа?

– Сейчас пойду, – промолвил Гусейн, поднимаясь, – отдохнул малость.

Ничего особенного не случилось. Они обменялись деловыми замечаниями и готовились разойтись. Вероятно, по рассеянности Басов сказал ему «ты», да, верно, это вышло у него машинально. Ведь Басов на «ты» только с комсомольцами...

– Еще я хотел поблагодарить тебя, – вдруг сказал Басов. – Если бы не твоя помощь... Один я ничего не могу сделать, – прибавил он просто.

– Какая тут благодарность... – ошеломленно пробормотал Гусейн. – Да разве я один?

Он вглядывался в лицо механика, но тот не торопился уходить и протянул руку.

И тут неожиданно произошло то важное событие, которого смутно ожидал Гусейн. Он схватил руку механика и стиснул ее с такой силой, что пальцы их слиплись.

– Эх, Александр Иванович, – прошептал он задушевно, – милый друг! Powestler